

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ КНИГИ “ЩИТ ВЕРЫ”: СЛОВО ОБ ОКЛЕВЕТАННОМ ЕПИСКОПЕ*

Антилатинская книга “Щит веры”, созданная в 1690–1691 гг. по инициативе патриарха Иоакима, включает целый комплекс разных по жанру и времени происхождения текстов, выявление и изучение которых является одной из важных задач в исследовании этого значимого в истории богословской мысли и идейной полемики XVII в. памятника¹. Напомню, что основная работа по редактированию и композиционному оформлению собранных для книги материалов была выполнена Афанасием Холмогорским с помощью его московских единомышленников из числа писателей патриаршего круга, в частности Евфимия Чудовского. Составители книги использовали тексты Священного Писания, святоотеческой и церковно-канонической литературы, произведения исторического и эпистолярного жанра. Были привлечены также тексты агиографических памятников, патериковых легенд, чудес и др. Многие сочинения, нашедшие отражение на страницах “Щита веры”, стали актуальными в связи с догматическими спорами второй половины XVII в., в частности в связи с полемикой о времени пресуществления святых Даров, занимавшей в последние десятилетия этого века умы книжников двух конфликтующих сторон – грекофилов и латинствующих – и ставшей главной темой книги. В условиях жестких литургико-богословских дискуссий авторы “Щита веры” вели работу по поиску и введению в круг полемики самых разных материалов: в качестве источников информации (напри-

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02–04–00247а).

¹ Проблема источников отчасти была рассмотрена нами ранее в работах: Панич Т. В. Сюжет о многоглаголющем юноше в структуре сборника “Щит веры”: К вопросу об использовании сюжетов назидательной литературы в полемике второй половины XVII в. // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 97–104; Она же. “Щит веры” – памятник антилатинской полемики конца XVII века (Структура, состав, литературные особенности) // Источники по русской истории и литературе. Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 44–72; Она же. Традиции антилатинской полемики в книге конца XVII в. “Щит веры” // Исторические и литературные памятники “высокой” и “низовой” культуры в России XVI–XX вв. (в печати).

мер, о Ферраро-Флорентийском соборе), а также как веские и надежные аргументы для обоснования и защиты своих воззрений на спорный предмет были привлечены многие памятники христианской письменности.

Наряду с полемическими текстами, созданными непосредственно в ходе дискуссий о евхаристии (к ним относятся, например, сочинения Евфимия Чудовского, Афанасия Холмогорского, “самобратиев” Иоанникия и Софрония Лихудов, тексты, написанные от имени патриарха Иоакима и его преемника Адриана, и др.), в структуре книги были использованы и широко распространенные в древнерусской письменности памятники антилатинской полемической традиции.

Выявление и изучение всех этих материалов представляет определенную проблему, так как источники, к которым обращаются составители “Щита веры”, часто не названы, порой как бы растворены в общем повествовании. Помимо обозначенных указанием на источники и прямых цитат, здесь наличествуют опосредованные и скрытые цитаты, а также парафразы текстов из самых разных по жанру и происхождению памятников. Все это значительно затрудняет их выявление и идентификацию.

Следует отметить и разный подход составителей к работе с используемыми материалами, к их выбору и интерпретации. Иногда они извлекают нужный для себя смысл или определенную тему путем структурной перестройки исходного текста и его логического переосмысления, при этом речь не идет о произвольном его истолковании. Хотя трактовка цитируемого сочинения подчас в той или иной степени изменяет его первоначальный смысл, смещая акцент на второстепенную тему, его семантическая основа остается сохранной.

Наиболее отчетливо особенности использования и функционирования в структуре “Щита веры” письменных источников можно проследить на примере текстов сюжетного повествования, которые представлены здесь выписками из жития Елифания Кипрского (сюжет о многоречивом бесоодержимом юноше), Сергия Радонежского (эпизод чудесного явления преподобного Сергия пресвитеру Симеону и его спутникам, побывавшим на Флорентийском соборе “в латынских странах”), из Книги Нектария Иерусалимского (рассказ о путешествии на Флорентийский собор императора Иоанна VIII Палеолога), из патериков (в частности, “Лимонаря”). К текстам подобного характера можно отнести также и малоизвестное переводное сочинение – “Диалог Самона Газского с сарацином”², ссылки на которое трижды появляются на страницах “Щита веры” в ряду других выписок из разных источников, касающихся темы пресуществления хлеба и вина “нашествием” Святого Духа,

² Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Юрию Валерьевичу Максиму, любезно предоставившему полный текст данного памятника, знакомство с которым оказало большую помощь при анализе использованных в “Щите веры” его фрагментов.

и которое называется здесь "Слово к Ахмету саракинину". Все эти тексты, подчиняясь общему замыслу составителей книги, обретают в ее структуре определенный вид и функции.

Не имея возможности в рамках данной статьи рассмотреть характер и особенности использования всех указанных памятников, обратимся к одному из них, на который имеется прямая ссылка во второй "беседе" "Щита веры". Следует отметить, что текст книги структурно поделен на четыре разновеликие части – "беседы", каждая из которых посвящена определенной теме³. Вторая "беседа" представляет собой подборку текстов из разных источников на тему, сформулированную в ее названии: "О еже како разумеша и предаша святии апостоли и тех преемници о пресуществлении Святых Даров, в кое время и киими словесы хлеб в Тело и вино в Кровь Господа нашего, Иисуса Христа, пресуществляеми бывають"⁴. Интересующий нас текст позаимствован составителями указанной «беседы» из печатной книги "Лимонарь" ("Лимонарь, сиречь Цветник, иже во святых отца нашего Софрония, патриарха Иерусалимского". Киев, 1628).

Речь идет о 150-й главе этого издания патерика, которая представляет собой рассказ, разрабатывающий один из традиционных сюжетов христианской литературы – сюжет об оклеветанном святом (в другом варианте – епископе). Трудно сказать, было ли это сочинение привлечено авторами "Щита веры" непосредственно из печатного издания или они использовали какой-то список с него⁵. Прямого указания на киевское издание здесь нет, названа лишь 150-я глава. Следует отметить, что составители книги упомянули в данном случае также и Пролог, содержащий под 8 января этот патериковый текст (отличающийся в проложной версии незначительными разночтениями, не влияющими на сюжет)⁶.

Данный патериковый рассказ, несомненно, воспринимался создателями "Щита веры" как важный и достоверный источник. Об этом свидетельствует, например, то, что ранее он (наряду с другим и на ту же тему словом из "Лимонаря") был привлечен Афанасием Холмогорским, правда в очень сжатом виде (в пересказе в несколько строк), при написании им в декабре 1688 г. "Книги о пресуществлении"⁷. По сравнению с тем, как отражен текст рас-

³ О структуре книги см.: *Патрих Т. В.* "Щит веры" – памятник антилатинской полемики...

⁴ Цит. по списку "Щита веры" из келейной библиотеки Афанасия Холмогорского (РГБ. Егорова. № 1570. Л. 338 об.).

⁵ Исследователями отмечено, что в рукописной традиции известно довольно много списков киевского издания "Лимонаря" (см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 320.*

⁶ См.: "Слово о епископе, оболганем к папиримскому" // Пролог. М., 1642. Л. 646 об. – 647 об.

⁷ Напомню, что это сочинение холмогорского архиерея сохранилось в черновом автографе: БАН. Арх. собр. С. С. 170. Текст "Книги о пресуществлении" был привлечен впоследствии в

смаатриваемого Слова об оклеветанном епископе в “Книге о пресушествлении”⁸, можно отметить, что в “Щите веры” сочинение представлено уже более широко, хотя с теми же полемическими задачами и с определенным переосмыслением сюжета за счет усечения заключительной части патерикового рассказа.

Итак, составитель второй “беседы” “Щита веры” в своих полемических рассуждениях приводит в пересказе и с некоторыми сокращениями текст главы из “Лимонаря”, повествующий о том, как некий епископ был оклеветан своей паствой перед папою Агапитом: жители “града Ромула” обратились к папе с жалобой на своего пастыря, обвинив его в том, что он якобы “на священном блюде ясть”.

Здесь автор рассматриваемого фрагмента “Щита веры” счел необходимым сделать пояснение, обратившись к историческим сведениям из церковных летописей Цезаря Барония и включив в цитируемый из патерика рассказ краткую справку, касающуюся времени описываемых событий: “Папа же Агапит, бывый во днех царя Иустиниана об лете Христове 536-м или далее...”. Эта историческая справка, по-видимому, представлялась ему весьма существенной и необходимой в контексте рассматриваемых проблем, так как давала возможность обозначить реальные исторические фигуры – папу Агапита и императора Юстиниана – и тем самым конкретизировать события, устраняя их отвлеченный характер и сообщая сохраненной в патерике легендарной истории признаки достоверности, усиливая степень надежности данного памятника как источника аргументации.

Продолжая далее повествование, автор до определенного места почти не расходится с источником, исключая небольшие пропуски внутри текста, не нарушающие его общего смысла. Сообщается, что оклеветанный паствой епископ по повелению папы Агапита был заключен в темницу. Однако голос, явившийся папе в ночном видении, повелел ему, “дабы утром литургию служил узник”, что и было исполнено⁹. Во время службы, когда подошел момент освящения Даров, епископ повторял молитву более положенных трех

качестве одного из источников при подготовке второй “беседы” “Щита веры” (см. об этом: Панич Т. В. “Книга о пресушествлении” Афанасия Холмогорского в контексте полемики “грекофилов” и “латинствующих” // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 56–68).

⁸ Необходимо также сказать о том, что в “Книге о пресушествлении” это патериковое сочинение было использовано по какому-то иному варианту или редакции “Лимонаря”, так как оно там фигурирует под другим порядковым номером (Афанасий озаглавил сделанную им выписку следующим образом: “Лимонарь, глава 108”).

⁹ В источнике видение происходит три дня спустя, “на Святой неделе”, и повторяется троскратно (в течение трех ночей), так как после первого и второго видения папа Агапит не решился исполнить это повеление, высказывая недоуменное сомнение: может ли он поручить священнодействие епископу, совершившему такое святотатство.

раз, начиная снова и снова. Папа повелел ему закончить молитву, на что епископ отвечал, что не может этого сделать, так как не видит "по обычаю" пришествия на Дары Святого Духа. Он обратился к Агапиту с просьбой удалить от алтаря некоего диакона, державшего рипиду, присутствие которого препятствовало, как он видел, совершению таинства евхаристии (здесь намек на провидческий дар епископа, при этом не раскрывается причина удаления диакона от алтаря). Когда диакон отошел по повелению папы в сторону, "абие узреша вси пришествие Святаго Духа".

На этом заканчивается пересказ текста Слова об оклеветанном епископе из "Лимонаря". Примечательно, что за рамками интереса составителя "беседы" остался фрагмент Слова, повествующий о чуде, которое последовало за сошествием Святого Духа: завеса, лежавшая на алтаре, "сама ся взя и покры папу и епископа и вся диаконы предстоящая и святую трапезу яко на три часы". Это чудесное событие послужило в патериковом рассказе наглядным доказательством святости незаслуженно обвиненного епископа. Автор "беседы" опускает и заключительную часть Слова, которая в структуре патерикового сюжета играет важную роль, так как здесь содержится поучительный вывод, сделанный от имени папы Агапита, окончательно снимающий мнимый грех епископа. В этом кратком поучении папа говорит о необходимости внимательного рассмотрения всех наветов и обвинений, которые на проверку могут оказаться мотивированными враждой и злобой: "со всяким долготерпением истязати оклеветание, и да не будет, еже кого напрасно оскорбити, многа бо оклеветания от ненависти и зависти, от вражды бывают".

Вместо этого назидательного резюме автор, заимствующий текст, извлекает из прочитанной им истории о незаслуженно обвиненном епископе нужные для себя сведения и делает на их основе свой вывод, непосредственно касающийся спорной проблемы о времени преложения святых Даров, рассмотрению которой и посвящен "Щит веры". С его точки зрения, эта история свидетельствует о том, что римская церковь в решении вопроса о времени пресуществления в первые века христианства мыслила в полном соответствии с апостольским учением, которому неизменно следует православная церковь. "От сего явлено, – резюмирует он в конце пересказанного из «Лимонаря» текста, – яко и в самом РOME и в ромских пределах на литургиях во священнодействии чрез многая лета по апостолах призываху Святаго Духа на пресуществление хлеба и вина. И тогда совершаху тайну сию евхаристии наитием и действием Святаго Духа, яко вышше показуется от литургии святаго Климента, папы Ромскаго¹⁰, учени-

---

¹⁰ Ссылки на авторитет и литургический опыт Климента Римского – ученика и верного последователя апостолов – постоянно встречаются в "Щите веры". Примечательно, что в 1691–1693 гг. Евфимий работал над переводом книги "Апостольские постановления" ("Зачинения

ка святого апостола Петра, яко в восточной церкви и до днесь непременно действуется”¹¹.

Отсечение концовки исходного текста и замена ее приведенным выводом по сути меняют первоначальную структуру сюжета и саму тему Слова об оклеветанном епископе, помещенного в контекст второй “беседы” “Щита веры”. Уходит на второй план и нравоучительный аспект Слова, тесно связанный с мотивом оклеветания и последующего оправдания и возвышения униженного и оскорбленного наветом и наказанием святого (главный сюжетобразующий мотив патерикового рассказа). На первый план выступает мотив сошествия Святого Духа, который при этом получает переосмысление. Если в Слове “Лимонаря” сошествие Святого Духа на святые Дары истолковывается как знамение, подтверждающее достоинство, величие и святость незаслуженно обвиненного епископа, то в “Щите веры” оно становится наглядным свидетельством и доказательством того, что пресуществление евхаристического хлеба и вина происходит не в момент произнесения так называемых установительных слов: “Приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов...” (как утверждали латинствующие, разделявшие в этом вопросе учение католической церкви), а после молитвенного призывания священником Святого Духа, во время его сошествия на святые Дары.

В итоге вмонтированный в ряд других выписок, отражающих поток полемических рассуждений авторов книги о времени пресуществления, фрагмент из “Лимонаря” приобретает новое смысловое звучание: главная тема исходного текста (тема оклеветанного епископа) уходит на второй план, а сопутствующая ей, хотя и не менее важная, тема евхаристии становится актуальной и семантически ведущей в новом контексте. Таким образом, необходимый по смысловому содержанию текст создается на базе структурных элементов привлекаемого в качестве источника повествования, за счет чего заимствованный сюжет в новом контексте воспринимается по-новому.

В заключение следует подчеркнуть необходимость дальнейшего изучения литературных источников “Щита веры”, при этом важно не просто выявить и определить тот или иной источник, процитированный или только упомянутый его авторами, но и исследовать особенности его использования и функционирования в контексте книги, принимая во внимание полемические цели и задачи ее составителей, определившие принципы и специфику их

святых апостолов”), составление которой традиция приписывает Клименту. Перевод, скорее всего, был мотивирован спорами о времени пресуществления. Это становится очевидным при анализе текста апокрифического “Постаняния Климента апостолу Иакову”, предваряющего основной текст “Постановлений” (см.: Папич Т. В. “Эпистолия Климента Римского о житии его” в переводе Евфимия Чудовского // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Сб. к 70-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2000. С. 202–216).

¹¹ РГБ. Егорова. № 1570. Л. 365 об.–366.

работы с чужим текстом. Исследование письменных источников "Щита веры" позволит расширить наши представления о литературных предпочтениях, эстетических и идеологических воззрениях авторов книги, а также ответить на важный вопрос о том, какие памятники письменности стали актуальными в связи с полемикой грекофилов и латинствующих о времени пресуществования святых Даров, занимавшей одно из главных мест в идейной борьбе последних десятилетий XVII в.